

НАТУРАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ»

Статья посвящена натурализму как направлению в литературно-публицистическом творчестве писателей-эмигрантов второй половины XX в. Анализируются тематика и жанрово-стилевые особенности публицистики писателей русского зарубежья, использующих элементы натурализма как средство изображения действительности. Материалом для исследования послужили статьи А. Синявского (Абрама Терца), художественная публицистика А. Солженицына, проза Г. Владимова, С. Довлатова, Э. Лимонова.

Ключевые слова: натурализм, художественная публицистика, «третья волна» русской эмиграции, русское зарубежье, реализм, постмодернизм, эстетика физиологизма, фотографизм.

Возникнув в последней трети XIX в. в Европе, преимущественно во Франции, натурализм как направление и метод нашел отражение в творчестве писателей-эмигрантов «третьей волны». Натурализм появился под воздействием идей позитивизма, главными представителями которого были О. Конт и Г. Спенсер. Философия позитивизма основывалась на объективном и максимально детальном изображении реальности, причем художественное познание уподоблялось научному. Изначально натурализм в литературе возник под влиянием развития естественнаучного знания. Литературная эстетика натурализма ориентирована на естественные науки и прежде всего на физиологию. Последователи натурализма исходили из идеи обусловленности духовного мира человека социальной средой, наследственностью и физиологией. Объектом натурализма в литературе стал человеческий характер как результат непосредственного бытового и материального окружения, а также социально-исторических факторов.

В творчестве писателей русского зарубежья второй половины XX в. натурализм как метод осваивался прежде всего в мемуарно-автобиографических жанрах: мемуарах, днев-

никах, автобиографических очерках. Использование элементов натурализма А. Солженицыным, А. Синявским (Абрамом Терцем), Г. Владимовым, С. Довлатовым, Э. Лимоновым представляет собой наиболее распространенный и действенный «прием включения» читателей в мир воспоминаний писателей либо эмигрантской среды. Художественное или публицистическое произведение рассматривалось ими как «человеческий документ», а основным эстетическим критерием признавалась детальная точность и «неприкрытость» реалий жизни.

Являясь приверженцами разных литературных методов, А. Солженицын и А. Синявский, Э. Лимонов и С. Довлатов прибегали к элементам натурализма одинаково часто и преследовали похожие художественные цели. Тенденция обращения к натурализму получила впоследствии гипертрофированное развитие в некоторых течениях модернизма, в частности в постмодернизме А. Синявского. У писателя-эмигранта натурализм нередко выливается в биологизм. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» В. М. Толмачев отмечает: «Натуралисты сравнивают себя с естествоиспытателем, медиком, знатоком низовой народной жизни, экспериментатором, инженером ли-

тературы, психологом, создателем этюдов и очерков, репортером» [Литературная энциклопедия..., 2003. С. 837].

В качестве основы для творчества русские писатели постмодернистского направления, эмигрировавшие за рубеж, взяли характерные для постмодернизма черты: внимание к маргинальным и даже фриковым социальным группам, стремление синтезировать искусство и массовую культуру. Это предполагало введение в постмодернистские произведения элементов натурализма. Модусы постмодернистского искусства приобрели новый вид в произведениях А. Синявского, Саши Соколова, Б. Хазанова, Е. Попова. Натурализм в своих крайних формах в литературно-публицистическом творчестве писателей русского зарубежья призван воздействовать на сознание. Эпатирующие крайности натурализма и игра, неконтролируемость творческого процесса, фрагментарность сюжетов, производя сильное впечатление, одновременно предлагают «читать» и воспринимать мир как естественный текст в его первоизданном, натуральном виде.

Публицистическое творчество А. Синявского в эмиграции стилистически и жанрово разнообразно. Сам А. Синявский избегал относить себя к какому-либо направлению, и именно «эта “всеенаправленность”, рассредоточенность его писательских усилий, которые даже делятся более или менее поровну между двумя авторами: “актуальным” – Андреем Синявским, и “виртуальным” – Абрамом Терцем, подтверждают постмодерную, “полуигровую” тенденцию его творчества» [Эпштейн, 2002. С. 206].

В творчестве А. Синявского натуралистическое и постмодерное почти незаметно перетекают друг в друга. Его афористически-автобиографические книги «Мысли врасплох» и «Голос из хора» – это позднее зарождение советского экзистенциализма. Экзистенциализм А. Синявского не книжен, не идеалистичен, наоборот, в книгах много бытового и физиологического. Голос писателя – это голос подпольного автора в книге «Мысли врасплох» и политзаключенного в книге «Голос из хора». «Пограничные ситуации» срывают с личности все защитные социальные покровы и требуют самого начального самоопределения перед лицом абсурда. А. Синявский пишет, что там люди

«не живут – они экзистенцианируют» (Синявский, 1992. С. 441).

Стремясь рассказать об ужасах камерного заключения, А. Синявский проявлял особый интерес к биологическим сторонам жизни. Его откровенный натурализм и физиологизм проявляет себя в сознательно откровенном показе телесных проявлений человека, его патологий, изображении сцен насилия и жестокости, свидетелем которых он стал. Писатель в данном случае является бесстрастным наблюдателем. Фотографичность, деэстетизация художественной формы становятся ведущими признаками таких его статей, как «“Я” и “они”». О крайних формах общения в условиях одиночества» (2003), «Анекдот в анекдоте» (1999) и «Отечество. Блатная песня» (1999).

В публицистике А. Синявского часто присутствует постмодерная «пограничная ситуация». Статья «“Я” и “они”». О крайних формах общения в условиях одиночества» была написана в 1975 г. для Международного симпозиума в Швейцарии, куда А. Синявского пригласили в качестве докладчика. «Пограничная ситуация» описана с крайней степенью лагерного натурализма, с физиологическими подробностями существования в камерах-одиночках: «Представим человека, который много лет – десять, пятнадцать, двадцать (и впереди ему ничего не светит, кроме нового срока) – сидит в тюрьме, вперемежку с лагерем» (2003. С. 245). Членовредительство, онанизм, гомосексуализм рассматриваются как изошренные формы общения, причем А. Синявский пытается осмыслить их с позиции экзистенциальности. Автор понимает, что примеры и вопросы, которые он затрагивает, «будут неприятны, страшны или отвратительны» (Там же). Однако они взяты А. Синявским из реальной практики лагеря и в целом общеизвестны, но к ним редко обращаются либо описывают в лагерных мемуарах, как, например, у А. Солженицына. А. Синявский первым пытался проанализировать страшные реалии с научной (психологической, лингвистической) точки зрения. Голодовки, длительное молчание, татуировки на лбу – знак протеста, глотание ложек – эпатирующие действия, надругательство над своими половыми частями – способ манифестации на тему окончания жизни, а в целом – это формы общения в «пограничной ситуации».

Как последователь постмодернистского направления А. Синявский осваивает «побочные» жанры. Его статьи «Анекдот в анекдоте» и «Отчество. Блатная песня» посвящены фольклорным жанрам, на которые автор обратил внимание, отбывая наказание в лагерях. Жанр и эпоха у писателя-эмигранта тесно взаимосвязаны: «...мы живем при анекдотах – в эпоху устного народного творчества, в эпоху процветания громадного фольклорного жанра» (Синявский, 1999а. С. 254). И снова постмодернизму А. Синявского свойственно обращение к натурализму. Например, автор рассказывает анекдот, где действующие лица – два туберкулезника или сифилитика – харкают в стакан и спорят, кто это выпьет. «Пересказывая эти несчастные фабулы, я понимаю, что говорю недопустимое, что выслушивать меня неприятно и тошнотворно. Но мне, занимаясь анекдотом сугубо экспериментально, ничего не остается, как с самого начала, заранее, сжечь за собою все мосты и корабли», – признается писатель (Там же. С. 256).

Запрещенные фольклорные жанры рассматриваются автором русского зарубежья как порождение тоталитарного социума: «В закрытом обществе советского типа, где всевозможные запреты (и, в особенности, на слово) принимают характер параметров самодовольного, полного в своей замкнутости бытия, анекдот не только служит единственной отдушиной, но и является, по сути, моделью существования. Он выполняет роль микрокосма в макрокосме и является своего рода монадой миропорядка», – пишет А. Синявский (1999а. С. 258). Также обращается писатель и к жанру блатной песни: «Блатная песня. Национальная, на вздыбленной российской равнине ставшая блатной, то есть потерявшей, кажется, все координаты чести, совести, семьи, религии <...> Когда от общества нечего ждать, остается песня, на которую все еще надеешься» (1999б. С. 269).

Если в советской критике натурализм рассматривался как художественный метод, противоположный реализму (и особенно соцреализму как главенствующему методу), то реализму писателей русского зарубежья (А. Солженицын, Г. Владимов, С. Довлатов) натурализм был не только не чужд, но и во многом близок и созвучен. Новый реализм А. Солженицына, В. Максимова, С. Довлатова, Г. Владимирова, Э. Лимонова ставит це-

лю утверждение той или иной концепции человеческого бытия в мире, постижение и изображение этих реалий человеческого существования – только путь к этой цели.

В ряде сцен повести Г. Владимирова «Верный Руслан» (1989) наблюдаем пристрастие к преувеличенно детальному изображению мрачных, теневых явлений действительности, сцен жестокости, насилия, отталкивающих подробностей лагерной жизни. В повести, например, есть сцена, когда отказавшихся выйти на работу зеков обливают водой из брандспойта в сорокаградусный мороз. Критик А. Архангельский пишет: «Интонация Владимирова, повествующего об этом, не срывается, она остается мерной и напряженной. Писатель не отводит взгляд от человеческой муки, но изображает ее как губительно высокую, неоправданно высокую Жертву. Культура не выпрямляет кривизны реальности – она преображает ее...» [1998. С. 430].

А. Солженицын пользуется методическими приемами натурализма, используя свой уникальный человеческий и писательский опыт. В отдельных произведениях писателя прослеживается интерес к асоциальным, биологическим сторонам жизни человека, копированию жизни без прикрас и художественного обобщения. Элементы натурализма часто встречаются в мемуарных книгах и публицистике писателя в эмигрантский период его творчества. Главными эстетическими координатами натурализма А. Солженицына являются максимально возможная достоверность, искренность, особые эстетические критерии, идущие вразрез с классическим реализмом и тем более соцреализмом.

Натурализм как направление оказал влияние и на научно-исследовательскую деятельность писателя. Задача сохранения, сбережения родного языка стала для А. Солженицына одной из важнейших. Об этом он говорит во многих своих публицистических выступлениях и работах. Над созданием «Русского словаря языкового расширения» (2000) А. Солженицын работал около сорока лет. Словарь увидел свет в 1990 г. Ж. Нива в статье «Поэтика Солженицына между “большими” и “малыми” формами» пишет: «Словарь Солженицына задуман как гимнастика, как упражнение в языковом дыхании. Не для того, чтобы протокольно фиксировать сегодняшний запас русских слов

(с «нахлыном» англицизмов), а для того, чтобы расширить легкие русского человека, его языковые легкие» [2003. С. 143]. В словарь вошли «заброшенные», «изгнанные», «запрещённые» слова, которые писатель хотел спасти от забвения и утраты. О приверженности натурализму как методу говорит, например, раздел «Некоторые бранные слова» и множество просторечных слов и устойчивых языковых единиц в словаре А. Солженицына.

Натурализм другого представителя писательской эмиграции «третьей волны» С. Довлатова выражается прежде всего в «бытописательстве» и «правдоподобию», особом внимании к обыденности. Особенностью довлатовской прозы является то, что он стремится в минимуме объема передать максимум существенных сторон объекта. Репортажность С. Довлатова, безусловно, связана с его журналистской практикой. Лучшие книги о России С. Довлатов написал в эмиграции. Н. Л. Липовецкий и М. Н. Лейдерман утверждают, что «Довлатов выглядит гораздо убедительнее, когда оперирует сценами и ситуациями, отделенными от него солидной временной или, по крайней мере, географической дистанцией» [2003. С. 603]. Парадоксальность этой поэтики связана с резким нарушением «абсолютной эпической дистанции» от описываемых событий. С. Довлатов вспоминает повседневность, а не события, отмеченные печатью «Большой Истории», и вспоминает не через много лет, а с достаточно близкой временной дистанции, превращая в персонажей мемуаров живых и активных коллег-современников. Незавершенность автобиографического опыта неизменно подчеркивается: С. Довлатов многократно варьирует версии одних и тех же событий собственной биографии. Эпический стиль объясняет и такую важную особенность публицистической прозы С. Довлатова, как повторения. Замечено, что С. Довлатов довольно часто повторяет сам себя, по два, три, а то и по четыре раза пересказывая одни и те же истории, анекдоты, сцены. Например, повторы в «Записных книжках» (1993), трижды изданных самим автором при жизни, и рассказах С. Довлатова.

Маргинальный писатель русского зарубежья Э. Лимонов часто работал в нетрадиционных для литературы и публицистики жанрах. Так, об освоенном им жанре некро-

лога Э. Лимонов говорил с гордостью и присущей ему эксцентричной маниакальностью. «В таком виде я представляю вам жизнь без подделки. Я демонстрирую вам итоги жизни. А они неутешительны для индивидуальных особей (“физических лиц” – говорит неуклюжее государство): словосочетание “плохо кончил”, увы, применимо ко всем, кто жил со мной на Земле», – пишет Э. Лимонов в «Книге мертвых» (2010. С. 5). На страницах этой публицистической книги жанр некролога несколько расширен, полон автобиографических воспоминаний, отступлений. Э. Лимонов пишет об известных в большей или меньшей степени людях, а также о своих знакомых, одноклассниках, бывших женах и любовницах, родителях. Некрологи Э. Лимонова полны натурализма, иногда шокирующие, иногда сатирически злые. Осваивая приемы натуралистичности, о принципах этики и морали автор думает в последнюю очередь. Он с легкостью нарушает неписаное этическое общечеловеческое правило: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Сергей Довлатов, певица и писательница Наталья Медведева (она же бывшая супруга), православный поэт Александр Непомнящий предстают перед читателем с обыденной и не всегда привлекательной стороны.

Таким образом, натурализм писателей русской эмиграции «третьей волны» ознаменовался введением в литературу и публицистику новых тем (изображение лагерной жизни, эмигрантских реалий, бытовых подробностей существования «социального дна», тягот жизни вне родины) и новыми средствами изображения действительности. Отдельные жанры в рамках публицистической мемуаристики и художественной литературы позволили писателям русского зарубежья второй половины XX в. освоить и творчески преобразовать эстетические принципы натурализма.

Список литературы

Архангельский А. Строгость и ясность // Современное русское зарубежье / Сост. П. В. Басинский, С. Р. Федякин. М.: Олимп; АСТ, 1998. С. 430–432.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студентов высших

учебных заведений: В 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2: 1968–1990. 668 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. 1596 с.

Нива Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // Звезда. 2003. № 12. С. 143–148.

Эпштейн М. Постмодерн в России: литература и теория. М., 2000. 367 с.

Список источников

Владимов Г. Н. Верный Руслан: история караульной собаки. М.: Юрид. лит., 1989. 114 с.

Довлатов С. Записные книжки // Довлатов С. Собрание прозы: В 3 т. СПб., 1993. Т. 3. С. 237–340.

Лимонов Э. Книга мертвых – 2. Некрологи. М.: Лимбус пресс, 2010. 384 с.

Русский словарь языкового расширения / Сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.

Синявский А. Анекдот в анекдоте // Путешествие на Черную речку и другие произведения. М.: Захаров, 1999а. С. 254–267.

Синявский А. Д. Голос из хора // Синявский А. Д. Собр. соч.: В 2 т. М.: Старт, 1992а. Т. 1. С. 441–449.

Синявский А. Д. Мысли врасплох // Синявский А. Д. Собр. соч.: В 2 т. М.: Старт, 1992б. Т. 1. С. 320–344.

Синявский А. Отечество. Блатная песня // Синявский А. Д. Путешествие на Черную речку и другие произведения. М.: Захаров, 1999б. С. 268–303.

Синявский А. Д. «Я» и «они» (О крайних формах общения в условиях одиночества) // Литературный прогресс в России. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 244–254.

Материал поступил в редколлегию 02.01.2013

N. M. Baibatyrova

NATURALISM IN FICTION AND JOURNALIST WORKS OF RUSSIAN EMIGRANT WRITERS OF THE «THIRD WAVE»

The article is devoted to naturalism as the direction in fictional and journalist works of Russian emigrant writers in the second half of XX century. The range of topics, as well as genre and style special features of journalist articles of Russian emigrant writers, using elements of naturalism as means of reality description. The subject of research were the articles of A. Sinyavskiy (AbramTertz), journalist articles of A. Solzhenitsyn, prose of G. Vladimov, S. Dovlatov, E. Limonov.

Keywords: naturalism, literary journalism, «the third wave» of Russian emigration, Russians abroad, realism, post-modernism, esthetics of physiologism, photographism.